

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение. Многообразная религия под микроскопом ученых</i>	6
<i>Глава I. Политическая роль религии</i>	36
1.1. Основные понятия	36
1.2. Как изучать религиозные институты?	43
1.3. Религия в рамках демократической системы	64
<i>Глава II. Христианские церкви в европейском обществе</i>	80
2.1. Статистика европейского христианства	80
2.2. Влияние христианских конфессий	94
2.3. Религиозные институты в структурах Евросоюза	116
<i>Глава III. Церкви в эпоху кризисов</i>	135
3.1. Кризис партийно-политической системы	135
3.2. Кризис европейской интеграции	155
3.3. Мигранты: между ненавистью и состраданием	225
3.4. Религиозная реакция на пандемию коронавируса	248
3.4.1. Особенности религиозного сознания	248
3.4.2. Коронакризис и европейская солидарность	251
3.4.3. Руководство РПЦ в ходе коронакризиса	257
3.4.4. Православная оппозиция карантину	268
<i>Глава IV. Церкви на постсоветском пространстве</i>	282
4.1. Политическая позиция Русской православной церкви	283
4.2. Социальное православие	303
4.2.1. Добровольцы	305
4.2.2. Реабилитация наркозависимых	320
4.3. Православие против православия в Украине	331
4.4. Украинский фактор во внешней политике РПЦ	356
4.5. Социально-политическая роль Католической церкви	373
4.6. Роль протестантских церквей в гражданском обществе	388
4.6.1. Политические взгляды и подходы	389
4.6.2. Российское евангельское движение	418
4.6.3. Социальный евангелизм	436
<i>Заключение. Активное общество под влиянием религии</i>	458
<i>P. S. Коронавирусная реформация</i>	473
<i>Об авторе</i>	479
<i>Abstract</i>	481
<i>Библиография</i>	483

Введение

МНОГООБРАЗНАЯ РЕЛИГИЯ ПОД МИКРОСКОПОМ УЧЕНЫХ

Представленная вниманию читателей книга является результатом многолетних исследований автора, посвященных роли христианских церквей в общественно-политической жизни. В XX в. роль религии в западном обществе неуклонно снижалась. О религии судили по численности верующих на богослужениях, по тому, как религию и религиозные идеалы стали воспринимать в публичном пространстве. По сравнению с предыдущими веками социологам и широкой общественности казалось, что вера уже никогда не будет определять жизнь людей столь сильно, как раньше, а религиозные деятели уже никогда не будут (или не должны) участвовать в политике. Помимо этого, в абсолютном большинстве стран мира воцарился религиозный плюрализм, грубо называемый «рынком религиозных идей». Появилась свобода выбора между старыми традиционными религиями и ранее невиданными, завезенными из других частей света. Новые боги и пророки из неожиданно возникающих религиозных движений дополнили эту многообразную палитру религиозных красок. Мир переживает особую религиозную эпоху. Европа находится на грани нового заката. Однако христианство не стало просто культурой, церкви не стали музеями, вера не стала просто «личным делом», «верой в душе», «онлайн-верой». Религия подготовилась к «новому прыжку» в человеческой истории, а трамплином для этого витка стало участие церковных деятелей в политической жизни и в социальном служении.

Автор выражает большую благодарность своим учителям — социологу религии Сергею Борисовичу Филатову, старшему

научному сотруднику Института востоковедения РАН и руководителю проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», профессору Красикову Анатолию Андреевичу, главному научному сотруднику Института Европы РАН, основателю Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Отдельное спасибо за замечания и советы моим коллегам профессору МГИМО(У) МИД РФ Ирине Георгиевне Каргиной, профессору Финансового университета при Правительстве РФ Анастасии Владимировне Митрофановой, зав. сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова РАН Ирине Львовне Прохоренко, профессору РУДН и ученому секретарю Центра «Религия в современном обществе» ФНИСЦ РАН Марине Мирановне Мчедловой, а также профессору ЛГУ им. А. С. Пушкина Михаилу Юрьевичу Смирнову.

Этот труд был бы невозможен без поддержки и участия моей семьи — супруги Елены Леонидовны Ситниковой, историка и редактора, а также дочери Анны, которая позволила мне защитить докторскую диссертацию (это основа данной книги) и родилась сразу после защиты, вдохновляя своим существованием на новые свершения.

* * *

Самые разные христианские конфессии — католики, православные, различные направления протестантизма — активно участвуют не только в традиционных сферах своей деятельности (богослужение, миссионерские акции, приходская активность), но и в разрешении насущных проблем, которые стоят перед гражданами (широкая социальная деятельность), оказывают влияние на государственные институты, партии и движения, выборный процесс. Начало XXI в., период, которому посвящено данное исследование, дает богатый материал для исследования роли церквей как общественных институтов со своими интересами и способами решения социально-политических проблем. Это обусловлено обострением целого ряда вопросов, связанных с миграцией населения (внутренней мобильностью населения и иммигрантами), восприятием религиозности в обществе, проблемами безопасности и квазирелигиозного терроризма на фоне страхов, связанных с изменением этнорелигиозного

состава общества. Немаловажно, что со значением христианства (в культурном аспекте и в деятельности церковных институтов) также связана проблема кризиса общественной солидарности и доверия демократическим институтам. Церкви большое внимание уделяют солидарности в рамках своих общин (это ярко выражено, к примеру, в заявлениях представителей Католической церкви) и прямо или косвенно провозглашают свою общинную солидарность в качестве основы сбалансированной демократической системы.

Христианские конфессии — католицизм, православие, различные направления протестантизма — играли значительную роль в становлении современных европейских государств. Христианство было в той или иной степени вплетено в политическую идеологию правящего класса с момента утверждения христианства религией, признанной государством, в IV в. в Римской империи.

В современной Европе религиозная идеология и институты, с ней связанные, отделены от непосредственной реализации государственной политики, а представители власти провозглашают свою равноудаленность от всех религий и конфессий, принципиально внерелигиозный характер всех принимаемых решений. Наряду с этим, роль религиозного фактора в международной политике и во внутривнутриполитических дискуссиях европейских стран (как и других стран мира) стала неуклонно расти после терактов 11 сентября 2001 г. Эта трагедия стала катализатором религиозно-политических дискуссий, связанных с осознанием угрозы квазирелигиозного терроризма и его идеологии, а также новых религиозно-политических реалий: изменения национально-религиозного состава населения европейского континента в ходе иммиграции, гражданских и религиозных требований части мусульманского населения Европы по отношению к европейским правительствам, новых задач в выстраивании исламско-христианского диалога, защиты прав христиан в условиях секуляризации и этики всеобщей политкорректности (которая, к примеру, не предполагает ношения креста стюардессами или медсестрами в больницах).

Следует отметить, что при всей формальной или неформальной исключенности из политического истеблишмента, который

отвечает требованиям абсолютной секулярности, представители различных церквей были политически активны как в ходе формирования современных национальных государств в XIX–XX вв., так и во время становления идеи «единой Европы» и самого Европейского союза в послевоенный период. Христианские церкви в той или иной степени одобрили Лиссабонский договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 г. В период наибольшей секуляризации европейского общества христианские церкви смогли сохранить свои позиции. В Восточной Европе (включая Россию) роль религии и, прежде всего, христианства стала особенно значимой в контексте сохранения и защиты национальной и культурной идентичности после распада СССР. Вместе с тем как политики, так и церковные иерархи отмечают кризис христианской идентичности Европы. К 2010-м гг. христианские церкви подошли с разным политическим багажом и опытом взаимодействия с национальными государствами. Основной задачей церковей в XX в. стало выживание в критически настроенной, равнодушной к религии или даже в крайне враждебной к вере (как в СССР) секулярной среде. Если ранее христианские церкви обладали государственным или привилегированным статусом в большинстве стран, то впоследствии они оказались в ситуации религиозного плюрализма и равенства всех религий перед законом. В политическом пространстве, в публичных дискуссиях и на выборах представители церквей сталкивались с антирелигиозными движениями, которые стремились вытеснить церкви из публичного пространства в частную жизнь. Если в XIX–XX вв. церкви в политическом смысле противостояли левым партиям и движениям социал-демократического толка на стороне правых консервативных партий, то во второй половине XX в. религиозный электорат постепенно распределился между разными партиями и политическими идеологиями.

В рамках данной работы мы попытаемся понять, изменилась ли принципиально политическая роль церквей в Европе в начале XXI в., каковы особенности церквей как политических институтов в эпоху религиозного и политического многообразия, механизмы современной политической деятельности церквей в демократическом обществе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х гг. до 2018 г., что позволяет увидеть динамику развития политической роли церковных организаций в период роста влияния религиозного фактора на международной арене, а также политической трансформации в Восточной Европе (роль церквей в ходе демократического транзита в Украине, Белоруссии, России) и миграционного кризиса в ЕС.

Социально-политическая активность христианских церквей является значимым идеологическим фактором, благодаря тому, что христианство представлено в обществе не только в виде церковных структур, но и в виде конгломерата околоцерковных организаций и сетевых структур, ставших частью системы гражданских институтов. В рамках демократической системы появился новый тип церковной политической деятельности — церковный гражданский активизм.

С точки зрения методологии можно выделить социально-философский подход, который предполагает исследование места и роли религии в конструировании социальной реальности, повседневной жизни, национальной, культурной идентичности, легитимации политической власти. Социологический подход предполагает количественное (в рамках массовых общестрановых или региональных опросов) и качественное (в рамках социально-антропологических исследований — развернутых бесед-интервью с церковными лидерами, активистами, экспертных интервью) изучение религии.

Автором также применялся социально-антропологический подход к анализу религиозной жизни в рамках полевых исследований на постсоветском пространстве, в опросах представителей органов власти и религиозных лидеров на территории России. На этом подходе основаны экспертные опросы, которые предполагают использование метода проведения развернутых бесед (интервью) с респондентами, которые затем ложатся в основу аналитической статьи о религиозно-общественной ситуации и религиозной политике региона. Ранее такого рода методология использовалась в исследованиях в рамках научно-исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» Кестонского института, где принимал участие автор. Одним из основоположников включенного

метода полевых исследований был этнограф Б. Малиновский (1884—1942 гг.)¹. Значение такого рода качественных методов исследования подчеркивается в работах антрополога Клиффорда Гирца, развивавшего теорию «насыщенного описания», которое предполагает комплексное исследование явлений, обращение к самой их сути². Традиции российской социальной антропологии берут свое начало с экспедиций Н. Н. Миклухо-Маклая³. В российской социологии религии и религиоведении также признается значение новых подходов и методов, ведущих к пониманию всей сложности роли религии в современном обществе. О необходимости исследовать «жизненный мир» верующего через личные беседы писали А. И. Клибанов⁴ и Л. Н. Митрохин⁵. На современном этапе развивается теория «насыщенного описания» Гирца в рамках диалектики роли религии как символической системы, контролирующей

---

¹ Малиновский Б. Магия. Наука. Религия / пер. с англ.; вступ. статьи Р. Редфилда и др. М.: Рефл-бук, 1998.

² Как отмечал Гирц: «Именно с помощью материала, полученного в результате полевой работы в локальных контекстах — полевой работы длительной, почти до наваждения скрупулезной, основанной преимущественно не на количественных, но на качественных методах (хотя не исключительно на таковых) и на высоком уровне личного участия — мегаконцепциям, которыми страдают современные общественные науки (легитимность, модернизация, интеграция, конфликт, харизма, структура, значение), можно придать некоторого рода актуальность, которая позволит думать не только реалистически и конкретно о них самих, но, что еще важнее, творчески и образно с их помощью». Гирц К. Интерпретация культур. Культурология. XX век / перевод с английского; научное редактирование: А. Л. Елфимов, А. В. Матешук. М.: РОССПЭН, 2004. С. 31.

³ Шведов П. В. Метод наблюдения в социальной антропологии: изменение стратегии исследователя на протяжении XX века // Философия и эпистемология науки. 2006. Том 7. Вып. 1. С. 208—218. См. также: Беллик А. А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 с.

⁴ Митрохин Л. Н. Изучение сектантства в Тамбовской области // Вопросы философии. 1960. № 1. С. 143—148; Современное сектантство и его преодоление: По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. М.: Акад. наук, 1961. 310 с.

⁵ Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб.: РХГИ, 1997. С. 90.

человеческое поведение, и роли религии как пограничного фактора, который может как играть положительную роль, так и дестабилизировать общество⁶.

Политическая роль христианских церквей в той или иной степени затрагивается в практически любой работе, которая посвящена анализу взаимоотношений религии, общества и политики, христианства. Однако следует отметить, что большая часть исследований связана с исторической ролью христианства, с государственно-церковными отношениями, законодательством в религиозной сфере и в меньшей степени с современной социально-политической ролью церквей. Кроме того, в современном контексте наибольшей популярностью пользуется рассмотрение значения христианской религии сквозь призму социологических теорий — социально-философских дихотомий секуляризации/десекуляризации, модерна/постмодерна, светского/религиозного (клерикального), публичной религии / деприватизации религии, религиозного плюрализма / монополии религии (дискриминации, отсутствия религиозной свободы).

---

⁶ «Религия для Гирца — символическая система, трансцендентная по отношению к повседневной жизни, корректирующая значения и понятия в кризисных ситуациях субъективной, повседневной, ординарной, “ежедневной” реальности. Значения, находящиеся в поле конфликта между наследием культурной системы и внутренним опытом человека, необходимо соотнести и откорректировать; именно эту, организационно-корректирующую функцию Гирц отводит религии, включая ее в один ряд с другими культурными системами: наукой, искусством, идеологией и т. д. Повседневная жизнь представляется диалектично-дискурсивной: “Нам приходится жить в обоих мирах: в мире ежедневной, ординарной реальности с его ощутимыми несовершенствами и в культурном мире, посредством которого мы стараемся понять и преодолеть эти несовершенства”. И религия предстает перед читателем Гирца как механизм контроля социума за человеческим поведением, во всяком случае — как стремление к стабильному состоянию, где моделирование практик оказывается “инструкцией” к поддержанию повседневного порядка. Однако, поскольку состояние абсолютной стабильности общества, особенно в условиях глобализации, невозможно, религия постоянно оказывается пограничным фактором, зачастую — дестабилизирующим». См.: *Астахова Л.* Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 175.

Все это богатство определений дает представление о сложности происходящих религиозно-общественных процессов с социологической перспективы. В научной литературе исследуемые проблемы анализируются с точки зрения самых разных дисциплин: философии религии, религиоведения (в виде оригинальной специальности существующего только на постсоветском пространстве, в западных университетах религия изучается в рамках богословия, истории, философии и социальных наук), истории религии, социологии религии, политологии, теологии (в России с 2017 г. присуждаются степени по теологии).

Социологическая оценка роли религии и присутствия церквей в социуме оказывает прямое влияние на представление (в масс-медиа и среди политиков) о политическом значении высказываний религиозных лидеров и роли самих религиозных институтов, и в частности христианских. Именно социология религии в XX в. определяла восприятие христианских церквей, глубоко исследуя личную религиозность, но умаляя гражданско-политические возможности церквей и религии в целом. Проблема восприятия секуляризации и отношения к религии в современном обществе затрагивалась в работах известных философов и социологов — Ю. Хабермаса⁷, С. Хантингтона⁸, П. Бергера⁹, Ч. Тэйлора¹⁰, Х. Казанова¹¹, Р. Инглхарта¹², советского и российского социолога Ж. Т. Тощенко¹³ и др. Идея религиозного

---

⁷ *Хабермас Ю.* Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 7–21.

⁸ *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

⁹ *Berger P. L.* The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. DeGruyterMouton, 2014. 172 p.

¹⁰ *Тейлор Ч.* Секулярный век / пер. с англ. Серия «Философия и богословие». М.: ББИ, 2017. 955 с.

¹¹ *Casanova J.* Public Religion in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

¹² *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 40–41.

¹³ *Тощенко Ж. Т.* Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. 664 с. (Монографические исследования: религиоведение);

плюрализма и свободы религии стала основанием для десекуляризации, то есть развития религиозной жизни в разных проявлениях и степени в различных странах мира. Соответственно, процесс приватизации религии (ее ухода в частную жизнь) сменился процессом ее деприватизации. Плюрализм и «новые знания», которые ранее вели к секуляризации, провоцируют и поддерживают религиозное многообразие. Это стало общей идеей целого ряда социологов (Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер¹⁴ и др.), которые говорят о десекуляризации и о корректировке понятия «секуляризация»¹⁵.

В социологии религии возникали различные теории, объясняющие феномен «евросекулярности» или «евроисключительности». Дело в том, что в 1990-е гг. стало очевидным, что религиозный бум в Латинской Америке, Африке или Азии и сохраняющийся высокий уровень религиозности в США контрастируют с «безрелигиозной» или даже агрессивно секуляристской Европой. В деле обращения к институтам веры мир шел вперед, а европейцы отставали (а с точки зрения светскости и толерантности продолжали вырываться вперед). В 2000-е и 2010-е гг. ситуация в Европе стала меняться быстрее, чем раньше, — это объяснялось тем, что под воздействием вызовов глобализации, нового информационного сознания и исламизации стали трансформироваться исторические церковные институты. Но если раньше церкви шли по пути либерализации, то теперь наступило время их консервативной модернизации.

Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85.

¹⁴ *Бергер П.* Православие и глобальный плюрализм / пер. Н. В. Шангина // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2015. Вып. 3. С. 1–5.

¹⁵ *Каргина И.* «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1; *Brierley P.* Future Church. A Global Analysis of the Christian Community to the Year 2010. Monarch books, 1998.

К этому времени сложились две основные школы, объясняющие «евросекулярность». Первая, известная как «новая парадигма» (Р. Старк¹⁶, Ф. Дженкинс¹⁷, Р. Финке¹⁸, Л. Яннаконе¹⁹ и др.), предложила теорию рационального выбора. По мнению последователей этой школы, религия всегда была и остается частью общества. Основным фактором успешного развития религиозности выступают условия религиозной конкуренции. Изначально условия такого рода складывались только в одной стране — в США, где церкви сложились в форме добровольных объединений. Это и обусловило американоцентричность взглядов сторонников этой школы. Особенно очевидно эта точка зрения проявилась в процессе переосмысления существа секуляризации, предпринятого Р. Старком и Л. Яннаконе. По их мнению, Европа никогда не была особенно религиозной, а средневековая набожность (или «золотой век веры») — это миф. Следовательно, никакого упадка религиозности в современной Европе не происходит. Можно ли говорить о «дехристианизации» Европы, если христианской Европы никогда не существовало? Так называемая христианская набожность была характерна в основном для аристократов, а уровень религиозного участия крестьянских масс был очень низким²⁰ (этот вывод можно применить и по отношению к России).

---

¹⁶ *Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1987.*

¹⁷ *Jenkins P. God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. Oxford: OUP, 2007.*

¹⁸ *Grim B. J., Finke R. The Price of Freedom Denied: Religious Persecution and Conflict in the Twenty-First Century. Cambridge University Press, 2010. 272 p.*

¹⁹ *Iannaccone L. R., Finke R., Stark R. Deregulating Religion: The Economics of Church and State // Economic Inquiry. 1997. Vol. 35 (2). P. 350–364.*

²⁰ *Руткевич Е. Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 3. С. 50–63; Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the “Secularization” of Europe // Journal for the Scientific Study of Religion. 1994.*

Вторая, более распространенная школа — «старой парадигмы» секуляризации (Т. Парсонс²¹, П. Бергер²², Т. Лукман²³, Д. Мартин²⁴ и др.). Она исходит из того, что религия в современном мире переживает упадок на разных уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном. Ее авторитет и значение в обществе падают, что во многом определяется модернизацией, урбанизацией и дифференциацией как в обществе, так и в религиозной сфере, ростом образовательного индекса, плюрализацией и рядом других факторов. По словам Питера Бергера, секуляризация — это «процесс, посредством которого различные сектора общества и культуры освобождаются от влияния религиозных институтов и символов»²⁵. Как отмечает социолог Питер Бергер, секуляризация явилась следствием не модернизации и современности, а плюрализации и некоторых других социально-политических и культурных факторов, специфических для каждой страны. Однако уже в 1990-е гг. тот же Бергер, отражая свои позиции как социолога-христианина, писал о десекуляризации²⁶. Параллельно другой социолог Хосе Казанова ввел в научный оборот термин «деприватизация» религии.

---

²¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Berger P. L. Religion and Global Civil Society // Religion in global civil society / ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 11–22; Белова Т. П. П. Бергер о роли религии в глобальном гражданском обществе // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 3–4. URL: www.es.rae.ru/government/70-135 (дата обращения: 15.02.2018).

²³ Luckman T. Religion Situation in Europe the Background to Contemporary Conversions // Social Compass. 1999. Vol. 46. Issue 3. P. 251–258.

²⁴ Martin D. The Religious and the Secular: Studies in Secularization. London: Routledge and Kegan Paul, 1969. 164 p.

²⁵ Berger P. The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion. Garden City, N. Y., 1967.

²⁶ The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. Berger. Washington D. C.: Ethics and Public Policy Center, 1999; Berger P., Davie G., Focas E. Religious America, Secular Europe? USA: Ashgate Publishing Company, 2008.

Сила религиозной веры, по словам Д. Эрвье-Леже, связана со скоростью перемен во всех сферах общественной жизни²⁷. Социологи Д. Эрвье-Леже и Г. Дэви²⁸ характеризуют понятие «европейской исключительности», используя такие категории, как «вера без церковной принадлежности» и «заместительная религия», при которой люди передоверяют церквям функции идентичности, переходя от религии обязательства к религии потребления. Подобные рассуждения призваны объяснить сложность процессов, происходящих в Европе, и высокую численность тех, кто относит себя к числу верующих.

Роль религии в общественной среде рассматривается в современной науке в основном через призму символического и ритуального влияния, а также воздействия на хозяйственную этику (тенденции восприятия религии, идущие от основоположников социологии религии Э. Дюркгейма²⁹, М. Вебера³⁰ и др.), институционального влияния (П. Бурдьё³¹). Со второй половины XX в. религия во всех ее проявлениях (религия как элемент культуры и совокупность форм и идеологий, организаций, религиозности как состояния сознания) стала анализироваться в рамках социологии и социальной философии, которые сконцентрировались на трансформации религии в условно безрелигиозном обществе. Данный подход, безусловно, задал определенный пессимистический тренд в оценке религиозности населения, так как масса формальных критериев позволяет сделать вывод о низкой практической приверженности граждан тем или иным историческим церквям. А имеющая место

²⁷ Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.

²⁸ Davie G. The Sociology of Religion: A Critical Agenda. 2nd ed. Los Angeles; London etc, 2013. P. 128.

²⁹ Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 174–230.

³⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Бизнеском, 2013.

³¹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода и сост. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

секуляризация общества позволяет без труда подтвердить вывод о связи экономического благополучия с падением влияния религии, хотя это не является чем-то самоочевидным.

Политологическая теория предназначает религиозным организациям место элементов в институциональной подсистеме общества, наряду с масс-медиа и партийной системой в силу способности, к примеру, церковью формировать общественное мнение и влиять на власть и политиков. При этом каждая из этих подсистем является в то же самое время самостоятельной системой внутри общества³². Религия — одна из главных сред для формирования политических установок и ценностей индивидов и групп, то есть для политической социализации³³, а также для формирования демократической среды³⁴, социальной работы³⁵, глобальных диаспор³⁶.

---

³² Политология: учеб. / А. Ю. Мельвил [и др.]. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2008. С. 120–121.

³³ Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / пер. с англ.; под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.; Weigel G. Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // The New Democracies: Global Change and U.S. Policy / ed. by B. Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 20–25.

³⁴ Stepan A. Rawls and Huntington on religion and democracy. “The World’s Religious Systems and Democracy: Crafting the “Twin Tolerations””, *Arguing Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2001, P. 213–254; Stepan A. An “Arab” More Than “Muslim” Democracy Gap // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 3. P. 30–44; *Rethinking Religion and World Affairs* / eds. T. S. Shah, A. Stepan, M. D. Toft. Oxford University Press, 2012. 336 p.; Blankholm J. “Twin tolerations” today: An interview with Alfred Stepan // *Social Science Research Council*. June 15, 2012. URL: <https://tif.ssrc.org/2012/06/15/twin-tolerations-today-an-interview-with-alfred-stepan/>; Kuru A. Alfred Stepan // *Democracy and Islam*. October 2017. URL: <https://www.opendemocracy.net/ahmet-t-kuru/alfred-stepan-democracy-and-islam> (дата обращения: 27.08.2020).

³⁵ Cnaan R. A. Volunteering in Religious Congregations and Faith-Based Associations. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 472–494; Krasnopolskaya I., Mersiyanova I. Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. *Foresight-Russia*. 2014. Vol. 8. No. 4. P. 40–53.

³⁶ Островская Е. А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (390).

Религиозный фактор может активироваться и в качестве фундаменталистской реакции на секуляризм, и как стимул для политической децентрализации и становления этнополитики (на основе национальных и религиозных чувств) как реакции на глобализацию мира³⁷. В рамках религиоведческого дискурса подчеркивается, что мировые религии играли роль «коммуникаций общечеловеческой цивилизации»³⁸. Гуманитарная роль религии усиливается в условиях мировых кризисов³⁹. Структурно-функциональный подход к исследованию религии особенно продуктивен в рамках растущего плюрализма и толерантности, свободы совести как залога стабильного развития общества и государства⁴⁰. В рамках новой роли религии рассматривается концепция ее реинституционализации⁴¹. Религиозные институты стали таковыми в демократическом гражданском обществе не только и столько благодаря своим «прошлым заслугам», а в силу того, что стали успешным гражданским феноменом⁴². Религиозная

С. 102–110; *Осинов В. А.* Концепция политических сетей: переход к исследованию качественных характеристик и его значение для российской политической теории и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 90–103.

³⁷ *Хейвуд Э.* Политология: Учебник для студентов вузов / пер. с англ.; под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

³⁸ Государство и религиозные институты // Религиоведение: Религия-Человек-Общество: учебное пособие для студентов вузов / авт. коллектив: Е. В. Попова, П. А. Стуцки, А. Н. Минин и др. Курган, 1999. С. 158–165.

³⁹ *Комлева В. В.* Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 40–44.

⁴⁰ *Чемикосова Т. А.* Трансформация религии как социального института в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Казань: КГУ, 2007. 29 с.

⁴¹ *Петрова И. Э.* Функциональный анализ религиозного института // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 91–98.

⁴² *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32–48; Подробный анализ научных дискуссий об институтах и институционализации см.: *Зазнаев О. И.* Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.

составляющая определения гражданского общества подчеркивается в работах А. А. Канунникова⁴³ и ряда других исследователей⁴⁴.

Роль религиозного и национального фактора в развитии стран Европейского союза, в политической структуре европейского общества, а также социальная деятельность церквей в рамках разрешения миграционного кризиса исследовались в трудах И. Л. Прохоренко⁴⁵. Эволюция отношения православия и католицизма к демократическим ценностям, правам человека, этическим проблемам современной экономики проанализирована в трудах Т. Б. Коваль на примере Испании и России. Исследования Т. Б. Коваль ставят вопрос о роли церквей в определении национальной идентичности в рамках демократического общества⁴⁶.

---

⁴³ *Канунников А. А.* Гражданское общество в условиях европейского интеграционного процесса: дис. ... д-ра полит. наук. М.: ИЕ РАН, 2017.

⁴⁴ *Светлов Р. В.* Религия и публичная политика // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Том 2 (4). С. 164–176; *Донцев С. П., Чимирис Е. С.* Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2011. № 1 (62). С. 132–140; *Элбакян Е. С.* Институциональные особенности религии // Социология религии в обществе позднего модер-на. Белгород, 2015. С. 139–145; *Ситников А. В.* Религиозный фактор формирования институтов власти в России // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2014. № 12 (299). С. 52–60.

⁴⁵ *Прохоренко И. Л.* Раса и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 423–431; *Прохоренко И. Л.* Национальное государство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 454–460; *Прохоренко И. Л.* Политическое пространство // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 494–500; *Семенов И., Прохоренко И.* От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 29–40; *Прохоренко И. Л.* Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной миграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Том 59. № 12. С. 80–89.

⁴⁶ *Коваль Т. Б.* Католическая традиция в масштабе времени // Португалия: путь от революции... М.: Весь мир, 2014. Гл. 14. С. 294–315; *Коваль Т. Б.* Религия и экономика: Труд, собственность, богатство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 349, [3] с.; *Коваль Т. Б.* Уроки

В России роль религии на стыке политики и социологии и христианства на постсоветском пространстве рассматривали Д. Е. Фурман⁴⁷, А. А. Красиков⁴⁸, С. Б. Филатов⁴⁹, Л. Н. Митрохин⁵⁰, М. М. Мчедлова⁵¹,

---

истории: испанский национал-католицизм // Иberoамериканские театры. Cuadernos iberoamericanos Вып. 1. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2013. С. 82–91; *Коваль Т. Б.* Влияние православной традиции на социально-экономическую модернизацию в России // Мир и политика. 2010. № 11 (50). С. 76–79; *Коваль Т. Б.* Испанский католицизм и русское православие о демократии и правах человека // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 62–81.

⁴⁷ *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981; Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / под ред. проф. К. Каариянена и проф. Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007.

⁴⁸ *Красиков А. А.* Ватикан 2000 лет спустя. Римско-католичество между прошлым и будущим. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2012.

⁴⁹ Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 620 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 686 с.; Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2009. 863 с.; Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2002; Религиозно-общественная жизнь в российских регионах / под редакцией С. Б. Филатова. Т. I. М.: Летний сад, 2014. 620 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2003. 327 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004. 478 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2005. 463 с.; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2006. 365 с.; *Струкцова А. С., Филатов С. Б.* От протестантизма в России к русскому протестантизму. // Неприкосновенный запас. 2003. № 6. С. 21–32; *Филатов С., Лункин Р.* Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие. Сборник статей / науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Кестонский институт, Летний сад, 2012.

⁵⁰ *Митрохин Л. Н.* Мои философские собеседники. СПб.: РХГА, 2005.

⁵¹ *Мчедлова М. М.* Религия и общество в России: векторы социальных изменений // Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции.

С. В. Трофимов⁵², А. В. Ситников⁵³, М. Ю. Смирнов⁵⁴, И. Г. Каргина⁵⁵, В. Е. Язькова⁵⁶. Страновые европейские исследования о роли

СПб., 2017. С. 104–120; *Мчедлова М. М.* Идентичность: новые повороты цивилизационной теории // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 148–155; *Мчедлова М. М.* Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 334–338; *Мчедлова М. М.* Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296–298; *Мчедлова М. М.* Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 50–58.

⁵² *Трофимов С. В.* Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвье-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 204–218; *Трофимов С. В.* Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвье-Леже // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 1 (22). С. 107–122.

⁵³ *Ситников А. В.* Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 19–28.

⁵⁴ *Смирнов М. Ю.* Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 145–153; *Смирнов М. Ю.* Перспективы религии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 194–206.

⁵⁵ *Каргина И. Г.* Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. МГИМО(У) МИД России. М., 2016; *Каргина И. Г.* Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. Сер. Научная школа МГИМО. М., 2014; *Каргина И. Г.* Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX — начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 109–114; *Каргина И. Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115; *Каргина И. Г.* О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 111–118; *Каргина И. Г.* Феномен «Следующего христианского мира»: типичные черты и тенденции // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 105–113.

⁵⁶ *Язькова В. Е.* Католическая Церковь и общество: «модели Церкви» в современной Италии. Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 129–138.

религии в политике и обществе также представлены широким спектром исследований⁵⁷.

Процессы демократизации, как на примере России, так и в международном контексте, рассматривались в трудах А. В. Митрофановой⁵⁸. В широком общественно-политическом контексте была раскрыта тема социальной трансформации Русской православной церкви, а также православия в Европе в целом⁵⁹.

Как подчеркивает М. М. Мчедлова, политизация религии и конфессионализация политики требуют отхода от традиционных эпистемиологических рамок рассмотрения отношения религии и общества, религии и политики. Именно светскость становится предметом дискуссий, которые демонстрируют значимость религиозных рефренов и коннотаций. Религиозные основания, по мнению М. М. Мчедловой, инкорпорируются

---

⁵⁷ См.: *Чернышева О. В.* Евангелическо-лютеранская церковь в социальной и политической жизни современной Швеции // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт / под ред. А. А. Красикова, Р. Н. Лункина. Коллективная монография. М.; ИЕ РАН, 2016. С. 91–103; *Плевако Н. С., Чернышева О. В.* Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. М.: Красанд, 2012; *Красиков А. А.* Ватикан 2000 лет спустя. Римско-Католичество между прошлым и будущим. М.: ИЕ РАН, 2012. Сер. 281 Доклады Института Европы; *Красиков А. А.* Религия и общество / отв. редактор А. А. Красиков. М., 2007. Сер. 199 Доклады Института Европы РАН. Т. II. Религиозные традиции в условиях глобализации; *Красиков А. А., Шабуров Н. В., Лункин Р. Н., Юдин А. В., Ланда Р. Г., Шалобина И. А.* Религия и общество / отв. редактор А. А. Красиков. М., 2007. Сер. 198 Доклады Института Европы РАН. Т. I. К преодолению стереотипов прошлого.

⁵⁸ *Митрофанова А. В.* Процессы «демократизации» в современном мире (политические и информационные аспекты) // Устойчивость политических систем: механизмы стабилизации и дестабилизации Сборник статей преподавателей Финансового университета при Правительстве РФ. М., 2017. С. 125–132; *Митрофанова А. В.* Загадки и разгадки теократии // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 176–180.

⁵⁹ *Митрофанова А. В.* Социальная работа православных некоммерческих организаций: направления, цели, типология // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 1. С. 32–43; *Митрофанова А. В.* Православие в Европе // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2010. № 4 (243). С. 95–105; *Митрофанова А. В.* «Политическое православие» и проблема религиозности // Философия и общество. 2006. № 1. С. 78–95.

в политический процесс и в образование новых форм коллективной идентичности. Это выражается в деятельности религиозных институтов в публичной политике, использовании религиозной риторики для легитимации деятельности политических субъектов и в новых формах соотношений светских и религиозных институтов⁶⁰.

Миссия протестантских церквей евангельского направления (баптизм, евангелизм, пятидесятничество, адвентизм, то есть фактически весь протестантизм за исключением лютеранства) стала наиболее заметным и новым явлением на евразийском пространстве после распада СССР наряду с ростом влияния (возрождением) национальных религиозных традиций. Участие церквей в общественной жизни России, Белоруссии, Украины стало наглядным примером участия христианства в политической жизни в условиях социально-политических кризисов в постсоветские десятилетия. Помимо этого, после длительного периода коммунистической атеизации религиозные институты в странах бывшего СССР стали играть важную социальную и гражданскую роль в качестве носителей демократических ценностей, так же как это происходило и происходит в странах Евросоюза. Даже немногие общественные и религиозные деятели, оппозиционеры или же лидеры, просто выражающие свое собственное мнение о развитии страны, часто являются единственной альтернативой авторитарной или полуавторитарной власти и ее идеологии, что не раз отмечалось в целом ряде исследований политической роли христианских церквей на территории Евразии⁶¹.

---

⁶⁰ Мчедлова М. М. Религия и политика // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 296–298.

⁶¹ Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005; Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007; Европа XXI века. Новые вызовы и риски: монография / под общей редакцией Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; Религия и российское многообразие / науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.; Лункин Р., Филатов С. Конец 90-х: возрождение религиозной нетерпимости // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 136–150.

В целом значение религиозных конфессий и организаций в качестве второго по значимости института политической системы общества подчеркивается С. О. Елишевым. По его мнению, в рамках политологической литературы этот факт часто замалчивается, вследствие наследия атеистического прошлого и секулярных идеологических концепций, хотя о церкви как институте в рамках политической системы (религиозной политики государства) писали еще в дореволюционный период К. П. Победоносцев, Б. Н. Чичерин, Л. А. Тихомиров. О политическом значении религиозных институтов как корпораций и элементов общественной системы говорят исследования о численности различных конфессий, опросы, посвященные доверию различным институтам, идеологическим представлениям о них, роли в рамках политической идентичности, цели и задачи социальной деятельности христианских конфессий и их воплощение в реальной жизни⁶².

Исследователи подчеркивают, что Евросоюз встал перед необходимостью менять свою иммиграционную политику, пытаясь найти нечто среднее между соблюдением прав человека и полной высылкой беженцев. При этом важно отметить, что ЕС заявляет о своей поддержке национальных правительств, местных властей, гражданского общества в их деятельности по обеспечению интеграции мигрантов и формированию взаимного доверия между приезжими и населением принимающих стран. Наряду с этим миграционные проблемы рассматриваются в контексте кризиса идентичности, в том числе в контексте поиска мусульманами своей идентичности и идентификационным кризисом современного европейского общества, поиска церквями своей роли в обществе⁶³.

---

⁶² Елишев С. О. Политика. Базовые понятия. Справочник-словарь. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 176–177, 194–202.

⁶³ Бабинов Ю. А. Адаптационный потенциал религии в миграционных процессах // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. 2013. Вип. 141. Серія: Філософія. С. 124–128; Вайгель Д. Две культурные войны в Европе // Русский Журнал. 2006. 25.03.06. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Dve-kul-turnye-vojni-v-Evropе> (дата обращения: 30.04.2017); Потемкина О. Ю. Мигранты в Европе. Европейский Союз // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 109–112; Потемкина О. Ю. «Европейская повестка

дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 28–40; *Китинов Б. У.* Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 123–131; *Каргина И.* «Следующее христианство»: качественные преобразования постмодернистского пейзажа // Вестник Московского Университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/sledujushheje_khristianstvo_kachestvennyje_preobrazovanija_postmodernistskogo_pejzazha_2014-03-06.htm (дата обращения: 30.04.2017); *Лункин П. Н.* Миссии милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 154–158; Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт / под ред. А. А. Красикова, Р. Н. Лункина. М.: ИЕ РАН, 2016; *Судоплатов П. А.* Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. ИСПИРАН. М., 2006; *Beyer P.* Religions in Global Society. Taylor & Francis, London-New York, 2006; *Aschauer W.* Societal Malaise and Ethnocentrism in the European Union: Monitoring Societal Change by Focusing on EU Citizens' Perceptions of Crisis // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2016. Vol. 41. No. 2 (156). Special Issue: Conventions and Quantification — Transdisciplinary Perspectives on Statistics and Classifications, P. 307–359; *Bloom P., Arikan G., Courtemanche M.* Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti-Immigration Sentiment // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Issue 2. May 2015. P. 203–221. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000143> Published online: 23 April 2015 (дата обращения: 12.03.2018); *Bielefeldt H.* Misperceptions of Freedom of Religion or Belief // Human Rights Quarterly. 2013. Vol. 35. No. 1. February, P. 33–68. DOI: <https://doi.org/10.1353/hrq.2013.0009>; *Bjelajac B.* The challenges and opportunities of diverse backgrounds in the evangelical churches in Serbia // Occasional papers on Religion in Eastern Europe. 2015. XXXV, 2. P. 29–38; *Connolly K. H.* Spirits and Those Living in the Shadows: Migrants and a New National Family in “Biutiful” // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 545–563; *Costello M.* Ghanaian pastor seeks to “re-Christianize” Germany // March 19, 2014. Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/ghanaian-pastor-seeks-to-re-christianize-germany/a-17501259> (дата обращения: 30.04.2017); *Jackson D., Passarelli A.* Mapping migration, mapping churches' responses in Europe: Belonging, Community, and Integration: the Witness and Service of Churches in Europe // Churches' Commission for Migrants in Europe. 2016. URL: <http://www.ccme.be> (дата обращения: 30.04.2017); *Ager A., Ager J.* Faith, Secularism, and Humanitarian Engagement: Finding the Place of Religion in the Support of Displaced Communities. New York: Palgrave Pivot, 2015; *Fiddian-Qasbiyeh E., Qasbiyeh Y. M.* Muslim Asylum-Seekers and Refugees: Negotiating Identity, Politics and Religion in the UK // Journal of Refugee Studies. 2010. Vol. 23. No. 3; *Mayanthi F. L.* The Republic Unsettled: Muslim French and the Contradictions of Secularism. Duke University Press, 2014; *Güner*

Британский правовед Ронан Маккри отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной. Свое мнение он основывает на том, что увеличение количества мигрантов с их фундаменталистской религиозностью только заставит лидеров ЕС еще больше ограничить религию частной сферой. Другая опасность в том, что приезжающие из стран Ближнего Востока не становятся «немцами», а становятся «мусульманами», а их идентичностью становится «ислам». В целом иммигранты чаще, чем другие граждане, ходят в мечеть или церковь. Но это больше зависит от страны, где они живут, чем от их субъективной религиозности, то есть в секулярной стране многие так и остаются не связанными с религией (исследование также показало, что католики и мусульмане примерно одинаково часто посещают богослужение еженедельно, а православные реже).

Религиозность Европы во многом зависит от иммигрантов, которые более религиозны и которых Европа не понимает. Но именно с новой волной обращенных, которые присутствуют в самых разных общинах, как католических, так и протестантских (баптизм, евангелизм, пятидесятничество), может быть связано возрождение христианства. К примеру, в Европе большую роль играет пятидесятничество, а в Великобритании африканский фундаментализм в Англиканской церкви.

В этих условиях, как отмечают многие социологи и политологи, политическая роль мусульман, христианских организаций, которые помогают мигрантам, в обществе и в отношениях с государством повышается, а власти больше уделяют внимание

S. J. Secularization, Evolution, and Politics // *Politics, Religion & Ideology*. 2016. Vol. 17. No. 2–3. P. 191–209; *Jenkins P.* The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. New York, NY: Oxford University Press, 2002; *Jenkins P.* God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. New York, NY: Oxford University Press, 2007; *MourãoPermoser J., Rosenberger S., Stoeckl K.* Religious Organisations as Political Actors in the Context of Migration: Islam and Orthodoxy in Austria // *Journal Of Ethnic And Migration Studies*. 2010. Vol. 36. Iss. 9. P. 1463–1481; *Kettell S.* Always Read the Label: The Identity and Strategy of Britain's "Christian Right" // *Politics, Religion & Ideology*. 2016. Vol. 17:1. P. 1–17. DOI: 10.1080/21567689.2016.1157073 (дата обращения: 12.03.2018).

религиозной сфере⁶⁴. Другая проблема заключается в том, что формально христианские миссии не занимаются прозелитизмом, но фактически этого сложно избежать⁶⁵. Но все это вместе

⁶⁴ Migrants, Italians and the church. Faced with exploitation of migrants, the flock, not the church, looks away. Attitudes towards migrants in Italy pose a dilemma for the church. Mar 10th 2017 by ERASMUS and S. D'I. The Economist; Migrants, Christianity and Europe. Diverse, desperate migrants have divided European Christians. Sep 6th 2015. by ERASMUS. The Economist; Disharmony. The religious response to Syria's travails is prolix and confused. Apr 8th 2017 by ERASMUS. The Economist.

⁶⁵ *Kuru A. T.* Secularism, State Policies, and Muslims in Europe Analyzing French Exceptionalism. Comparative Politics. 2008. October. P. 1–19; *Martin D.* Britain's tolerance to Islam results in more than 1m Muslims setting up home here // Daily Mail. 2009. 14 December. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1235527/Britains-tolerance-Islam-results-1m-Muslims-setting-home-here.html#ixzz375Ex5tdo> (дата обращения: 30.04.2017); *Mladenovska-Tešija J.* Be salt of Europe: can evangelical churches make a difference in Croatia? // Occasional papers on Religion in Eastern Europe. 2015. XXXV, 2. P. 15–24; *McCrea R.* How to hobble religion // Aeon. 17 June, 2013. URL: <https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular> (дата обращения: 30.04.2017); *Muir R., Stone L.* Who Are We? Identities in Britain // The Institute for Public Policy Research. 2007. URL: http://www.ippr.org/assets/media/images/media/files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf (дата обращения: 30.04.2017); *Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B.* Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. Vol. 4. Issue 1. P. 1–26; *Rescripting Religion in the City: Migration and Religious Identity in the Modern Metropolis* / edited by J. Garnett, A. Harris. Surrey: Ashgate, 2013; *Religion returns to the public square: faith and policy in America* / edited by Hugh Hecllo and Wilfred M. McClay. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003; *Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches* / ed. by V. Depkat, J. Martschukat. Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press, 2013; *State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine* / ed. by C. Wanner. Woodrow Wilson Center Press with Oxford University Press, 2012; *Thomas E.* Immigration, Islam and the Politics of Belonging in France. University of Pennsylvania Press, 2012; *Turner B. S.* Religion and Modern Society: Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge University Press, 2011; *Tubergen F. van, J'Orunn S. T.* The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50 (2). P. 272–288; *Weigel G.* The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics without God. New York, NY: BasicBooks, 2005.

ставит сами церкви и их инициативы в центр гражданского общества европейских стран.

Исследователи подчеркивают роль христианства и, прежде всего, Католической церкви в европейской интеграции⁶⁶. Особую роль католицизма в рамках «третьей волны» демократизации 1970–1990-х гг. отмечал С. Хантингтон, эта волна была по преимуществу католической — от Испании и Португалии до Восточной Европы и была связана с трансформацией церкви после Второго Ватиканского собора⁶⁷. В православном богословии также есть возможности для осмысления демократических ценностей и плюрализма в рамках идеи «единства в многообразии»⁶⁸. Одновременно с демократизацией церковного мировоззрения церкви участвовали в процессах евроинтеграции — от идеи «единой Европы» до Европейского сообщества и Евросоюза. Представители всех конфессий в ходе опросов демонстрируют значительный процент тех, кто поддерживает интеграцию (католики больше, чем протестанты и православные). В странах, недавно вошедших в ЕС, молодое поколение меньше поддерживает евроинтеграцию, но значение христианской идеи растет в виде реакции на рост влияния ислама⁶⁹.

С одной стороны, религиозная тематика мало представлена в деятельности ЕС. На основании интервью с депутатами Европарламента, к примеру, Франсуа Форе делает вывод, что влияние церквей в принятии политических решений практически незаметно, а религиозный фактор светские политики не учитывают. Партии, входящие в Европарламент, поднимали тему религии редко (минимальный процент решений связан

---

⁶⁶ Данненберг А. Н. Современная католическая экклезиология: место Церкви в мире // Миссия конфессий. 2017. № 20. С. 15–26.

⁶⁷ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 87–99.

⁶⁸ World Religions and Democracy (A Journal of Democracy Book) / ed. by L. Diamond, M. F. Plattner, P.J. Costopoulos. Johns Hopkins University Press, 2005. 150 p.

⁶⁹ Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B. Does Religion Still Matter? Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe // Politics and Religion. 2010. P. 1–26. DOI:10.1017/S1755048310000507.

с церковными вопросами)⁷⁰. С другой стороны, исследователи находят много общего между риторикой Католической церкви и ценностями ЕС, которые выражены на светском языке в рамках обсуждения «духовного измерения Европы» и «европейской души». Церковь распространяет свои ценности через иерархию и верующих, а также через консультационные и кооперационные подразделения церкви, поддерживая политический порядок ЕС⁷¹. Как отмечает П. Кратохвил, отношения ЕС с религиозными общинами всегда были двойственными — отцы-основатели ЕС были христианами, но при этом ЕС долгое время противостоял влиянию церквей. Лишь в 2010-е гг. удалось наладить постоянный диалог с религиозными группами, а присутствие религии в публичном пространстве снова приемлемо⁷². Контакты структур ЕС и церквей интенсифицировались после заключения Лиссабонского договора — от формальных встреч до неформального взаимодействия, появления лоббистских групп и советников по религии президента Еврокомиссии. Сила церкви стала расти из-за того, что вырос интерес к религии в ЕС. Кроме того, церковь научилась использовать различные формальные и неформальные каналы влияния на политиков. По словам П. Кратохвила и Т. Долежала, нового «союза трона и алтаря» не произошло, но ЕС и Католическая церковь создали непростой альянс, который легитимизирует интеграционный проект в глазах европейских католиков и делает церковь заметной в политике ЕС⁷³.

---

⁷⁰ *Foret F.* Religion and Politics in the European Union: The Secular Canopy. Cambridge Studies in Social Theory, Religion and Politics. Cambridge University Press, 2015.

⁷¹ *Kratochvil P., Dolezal T.* The European Union and the Roman Catholic Church: the alliance of throne and altar revisited? // Politics and Religion Journal. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 213–238. URL: <https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/47> (дата обращения: 16.03.2018).

⁷² Czechs romanticise cultural Christianity. Interview with Petr Kratochvil, director of the Institute of International Relations Prague. Interviewer: Agnieszka Pikulicka-Wilczewska. New Eastern Europe. January 11, 2018. URL: <http://neweasterneurope.eu/category/stories-and-ideas/> (дата обращения: 16.03.2018).

⁷³ *Dolezal T., Kratochvil P.* Politics and Religion in Europe: The Case of the Roman Catholic Church and the European Union // Central European journal of international & security studies. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 6–26.

В рамках анализа роли церквей в процессе евроинтеграции исследователи подчеркивают, что на первом этапе христианские церкви были слабо включены в процессы создания европейских сообществ, но с 1990–2000-х гг. появились и представительства церквей при ЕС, и специальные представители по взаимодействию с религиозными общинами⁷⁴. Модель, отражающая место и роль церквей в евроинтеграции, состоит из двух аспектов: церкви формируют идентичность и проявляют себя как негосударственные субъекты. Религиозные институты могут использовать прямое или не прямое лоббирование и действовать через политическую мобилизацию (особенно среди прихожан). Они формируют общественное мнение и как субъекты действуют на правительственном уровне⁷⁵. Сам факт диалога христианских церквей и европейских институций отнюдь не означает принятие Брюсселем ценностных установок христианства⁷⁶.

Помимо этого, в научной литературе обсуждается позиция национальных церквей, в особенности в Восточной Европе, по поводу вхождения отдельных стран в состав ЕС, а также критика представителей ЕС со стороны епископата⁷⁷ на разных уровнях власти⁷⁸. Рассматриваются: европейская интеграция как органичный для католицизма процесс⁷⁹; влияние церковных институтов в ходе подготовки Конституции ЕС

---

⁷⁴ *Leustean L. N.* The Representation of Religion in the European Union // European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. Working Paper RSCAS 2013/69. European University Institute, 2013. 28 p.

⁷⁵ *Мудров С. А.* Идентичность, негосударственные организации и религия в европейской интеграции // Вестник РУДН. Серия «Социология». Январь, 2016. Т. 16. № 1. С. 34–48.

⁷⁶ *Мудров С. А.* О европейской интеграции // Православие.ru. 5 августа 2008. URL: <http://pravoslavie.ru/1394.html> (дата обращения: 16.03.2018).

⁷⁷ *Sutton M.* Political Realism and Roman Catholic Faith in the Construction of Europe: Konrad Adenauer, Robert Schuman, and Charles de Gaulle // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / edited by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P. 35.

⁷⁸ *Madeley J.* Deus ex Machina: Representing God on the Stage of the European Union // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / edited by Lucian N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P. 53.

⁷⁹ *Жосул Е.* Ватикан и европейская интеграция // Власть. 2008. № 11. С. 77.

и Лиссабонского договора⁸⁰. Часть ученых считают церкви автономной субсистемой в обществе, сложившейся в ходе социальной дифференциации, и религиозное измерение не считается самостоятельным и значимым фактором в ходе интеграции. Религия приобретает значение только во время споров о Конституции и об идентичности Евросоюза⁸¹. В работах, специально посвященных евроскептицизму, религия оказывается одним из не самых главных элементов, объясняющих это явление. Причинами критики ЕС считается конфликт христианства с мультикультурализмом после более важных факторов: борьбы правящих партий и периферийных, элиты и общества, новых и старых стран — членов ЕС с разными возможностями и идентичностями⁸². Наиболее враждебны по отношению к ЕС протестанты-фундаменталисты и Православная церковь в Греции, считающие ЕС апокалиптической «новой империей» и воплощением зла⁸³. Вместе с тем пример целого ряда стран показывает, что христианские конфессии как вовлечены в политические дебаты, так и играют значительную роль в электоральном процессе⁸⁴. Целый ряд выступает с критикой евроскептицизма на религиозной почве. В частности, отмечается, что продвижению этого явления способствует религиозная нетерпимость, которая поддерживает разного рода течения, направленные против ЕС и против вступления Турции в ЕС⁸⁵. Центральная

---

⁸⁰ Commission of the Bishops' Conferences of the EU (COMECE), Conference of European Churches (CEC).

⁸¹ *Olteanu T., Nève D.* Eastern Orthodoxy and the Processes of European Integration // Eastern Orthodox Encounters of Identity and Otherness Values, Self-Reflection, Dialogue / ed. by A. Krawchuk, T. Bremer. Palgrave Macmillan US, 2014. P. 179–206.

⁸² Eurocepticism and European Integration / ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološki straživanje, 2009. P.10–11.

⁸³ *Milardović-Ivanković A.* Eurocepticism in a Conflict of Ideologies of the Second Modernism // Eurocepticism and European Integration / ed. by K. Arató, P. Kaniok. Zagreb: Centar za politološki straživanje, 2009. P. 52–53.

⁸⁴ *Steven M.* Christianity and Party Politics: Keeping the faith. Routledge Studies in Religion and Politics, 2011.

⁸⁵ *Hobolt S. B., van der Brug W., De Vreese C. H., Boomgarden H. G., Hinrichsen M. C.* Religious Intolerance and Eurocepticism // European Union Politics. 2011. Published online. P. 1–21. DOI: 10.1177/1465116511404620 (дата обращения: 24.04.2018).

роль церковных институтов в формировании европейской идентичности проанализирована в исследованиях С. Мудрова. По его мнению, значение церквей как полноправных участников политического процесса и религиозных лоббистов недооценено⁸⁶.

Масштабное исследование об отношении церквей к евроинтеграции провели Brent Нельсен и Джеймс Гут. Ученые заметили, что социологические опросы показывают, что католики (члены церкви — наследницы Римской империи, носителя идеи универсализма) всегда больше поддерживают евроинтеграцию, чем протестанты, для которых большее значение имеет национальное государство (оно является гарантией их прав и свобод)⁸⁷. Религиозные меньшинства, скорее, голосуют за Евросоюз — это касается мусульман, которые ощущают более толерантное отношение к себе со стороны на уровне ЕС, чем на национальном уровне⁸⁸. Эти данные подтверждаются также региональными исследованиями⁸⁹. Пример католической поддержки евроскептицизма в Польше оценивается исследователями в качестве особого случая, поскольку это связано с польской идентичностью, где вера тесно переплетена с национализмом⁹⁰.

---

⁸⁶ *Mudrov S.* Christian Churches in European Integration. London: Routledge, 2016. P. 192; *Mudrov S.* Christian Churches as special participants of European integration: the process of EU Treaties' Reform // European Consortium for Political Research. URL: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=10583&EventID=1> (дата обращения: 24.04.2018).

⁸⁷ Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration (Religion and Politics series) / by Brent F. Nelsen (Author), James L. Guth. Georgetown University Press. 2015. 384 p.; *Nelsen B. F., Guth J. L., Highsmith B.* Does Religion Still Matter? // Religion and Public Attitudes toward Integration in Europe. 2011. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–26.

⁸⁸ Catholics like the European Union more than Protestants do. This is why / by Nikita Lalwani and Sam Winter-Levy January 12, 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/01/12/protestants-dont-like-the-european-union-compared-to-catholics-this-is-why/?utm_term=.51f401a7296f (дата обращения: 24.04.2018).

⁸⁹ *Hagevi M.* Religiosity and Swedish Opinion on the European Union. Journal for the Scientific Study of Religion 41(4): 759–769. December 2002. DOI: 10.1111/1468-5906.00160 (дата обращения: 24.04.2018).

⁹⁰ *Napierski B.* Political Catholicism and Euroscepticism: The Deviant Case of Poland in Comparative Perspective. BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies. 2017.

В рамках анализа позиции церквей по отношению к евро-скептицизму особо подчеркивается способность религиозных институтов быть источником оправдания для праворадикальных партий, фундаменталистов⁹¹. Двойственная или изменчивая позиция различных церквей по отношению к структурам ЕС и расширению Союза объясняется также своеобразием евро-скептицизма как политического явления, отвергающего или критикующего политические линии ЕС⁹².

Научные исследования, касающиеся евро-скептицизма и религиозного фактора в рамках евроинтеграции, помогают понять, насколько глубоко исторические церкви Европы вовлечены в социально-политические процессы.

Столь многообразное поле исследуется через призму целого ряда кризисов:

— кризиса политической легитимности церквей в секулярном обществе, их поиска своего понимания демократии и взаимодействия с властными структурами в европейском обществе в условиях равнодушия большинства общества к религиозным вопросам и к активному участию в организованной религиозной жизни;

— кризиса политической трансформации в Европе, которая заставила большинство церквей проявить себя в социальном служении и занять ту или иную политическую позицию;

— миграционного кризиса, который включает в себя реакцию на вызовы квазирелигиозного терроризма и «исламизации», попытку заново осмыслить европейскую идентичность и солидарность;

— экономического и социального кризиса, связанного с борьбой с коронавирусом в 2020 г., который остро поставил

---

⁹¹ *Guerra S.* Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // *Representing Religion in the European Union: Does God Matter?* / edited by L. N. Leustean. Routledge studies in religion and politics. 2013. P. 148–149.

⁹² *Taggart P., Szczerbiak A.* The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States // *Opposing Europe*. Sussex European Institute. Working Paper. 2002. No. 51. URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-6.pdf&site=266> (дата обращения: 24.04.2018).

не только вопросы европейской солидарности, государственно-церковных отношений, но и вообще формата, в котором религия должна существовать в обществе.

Все эти кризисы затрагивают судьбу христианства, позицию всех церквей, ставят проблему единства Европы, открытости европейского общества и его идентичности.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ

1.1. Основные понятия

Сакрализация власти и богословское объяснение политических доктрин и конкретных акций государства (от крестовых походов до идеи «Москва — Третий Рим») вплоть до XX в. были не только составляющей мировоззрения европейских церквей, но и одними из главных их задач. Произошел отказ власти от сакральных функций, передача их обществу, мучительный поиск церквями своего места в новой системе социальных отношений. Религия в современном мире также проявляет себя во всех сферах жизни общества, в том числе и в политической активности. Влияние какой-либо религиозной организации оценивается с точки зрения ее культурной, исторической роли в обществе, количественных показателей — численности верующих и общин. Однако в светском обществе, которое живет по секулярным правилам, не предполагается прямое воздействие религиозных норм на решения представителей власти и на ценностные установки общественного сознания, поскольку, к примеру, в большинстве европейских стран различные религиозные традиции присутствуют в рамках системы поддерживаемого властью плюрализма. Кроме того, даже в государствах с господствующей исторической религией ее роль все больше оценивается в качестве виртуальной и опосредованной — через фольклор, культуру, рудименты семейных традиций, культурную самоидентификацию.

Религиозные организации исключаются из системы «реальной политики», их собственное политическое влияние (и как организации, и как отдельных лидеров) оказывается, с одной стороны, историческим воспоминанием о прошлом, с другой стороны, неприемлемым действием, разрушающим светский

характер государства и общественных связей. Таким образом, религия к концу XX в. была полностью исключена из сферы публичной политики, которая ранее была для нее наиболее естественной формой существования. В новейшее время самыми распространенными мифологическими представлениями стали тезисы о том, что «религия вне политики» и что «политика всегда наносила вред религиозным организациям».

Новые формы политической деятельности религиозных организаций можно увидеть, если абстрагироваться от тематики церковно-государственных отношений в качестве доминирующей. Отношения церквей и государства, религиозное законодательство, как и религиозная политика властей, являются элементами государственного устройства, особенностей конституционного права и правоприменительной практики законодательства той или иной страны. Эти параметры характеризуют культурные предпочтения государства и его отношение к определенному сегменту общественных организаций, а именно к религиозным. Это говорит о разных степенях восприятия религии в качестве политического символа. Однако эта сфера не раскрывает политической роли религиозных организаций в общественно-политической среде.

Две разнонаправленные тенденции общества постмодерна — максимальное отделение церквей от государства и усиление фактора многообразной религиозной мотивации в обществе — позволяют сконцентрироваться на роли религиозных организаций в общественно-политической жизни, практически не учитывая их сакральный символический статус (хотя это не означает, что его не существует). Подобный анализ возможен в рамках политологического институционального подхода, в рамках которого религиозная деятельность анализируется с точки зрения ее участия в политическом процессе (в рамках социологии этот подход наиболее близок структурно-функциональному подходу Т. Парсонса). Для того, чтобы применить данный алгоритм исследований к религии, необходимо дать определение целому ряду понятий, адаптировав их к целям настоящей работы.

Наиболее глубокий анализ роли религии в обществе возможен в рамках политологии религии — дисциплины, которая стала активно развиваться в Европе лишь в 1990–2000-е гг. (до этого политологический подход был свойствен американским

исследованиям о религии, а также для советских ученых, которые писали о роли религии в противоборстве Запада и СССР). Политология религии — политологическая дисциплина, изучающая влияние религиозных институтов как активных акторов гражданского общества во взаимосвязи с другими акторами на различные политические процессы, включающие в себя роль религиозного фактора в международных отношениях, политических дискуссиях, в формировании мировоззрений партий и движений, социально-экономической, культурной, гуманитарной, семейной и других сферах государственной политики.

Одним из ключевых понятий в рамках данного подхода является представление о том, что такое религиозный институт. Самое очевидное определение религиозного института дано В. В. Комлевой. Это социальная организация, представляющая собой устойчивую форму деятельности и отношений групп людей, учреждений, регулируемую системой норм и правил. Этот институт упорядочивает деятельность людей, связи и отношения верующих между собой, с представителями других исповеданий, неверующими. К религиозным институтам относятся религиозные организации, религиозные группы, международные религиозные и межрелигиозные объединения¹.

С точки зрения политологии религии, под религиозными институтами следует понимать совокупность формальных и неформальных религиозных и общественных объединений, действующих в публичном пространстве и вовлеченных в социальные и политические отношения (взаимоотношения): таковыми являются А) церковные структуры религиозных организаций (административные органы, епархии, приходы) и движений и руководители их подразделений; В) организации и движения, созданные церковными структурами, которые носят как конфессиональный, так и межконфессиональный характер; С) окологерковные организации и движения, которые напрямую не подчиняются церковным структурам, но либо основаны членами церквей, либо в их руководящем или в членском составе есть верующие,

---

¹ *Комлева В. В.* Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 6 (108). С. 130–141.

члены церквей, или обращение к определенной конфессиональной тематике играет значительную роль; D) виртуальные или реальные сетевые структуры, которые формируются, как правило, вокруг приходов, групп, движений, общественных организаций и могут быть связаны как с социальными и творческими проектами, так и с политическими интересами и миссионерскими стратегиями. Если пункты А и В являются привычной формой существования церквей в общественной среде, то пункты С и D значительно расширяют аудиторию, к которой в той или иной форме обращена церковная (околоцерковная) деятельность, поскольку в С и D, как правило, оказываются вовлечены не только верующие (активные прихожане), но симпатизирующие данной организации и движению, проекту, а также верующие по культурной и этнической самоидентификации и неверующие, агностики и атеисты. Потенциально для самих церквей — это расширение сферы для миссионерской деятельности и гражданского участия с большой ролью религиозного фактора.

В демократическом обществе представление церковного руководства о собственном влиянии и величии в значительной степени зависит от взаимодействия и прямой или косвенной взаимосвязи между разными видами и подвидами религиозных институтов. К примеру, А уже не может не проявлять себя в В и С, а С и А (в виде приходов) уже не представим без D. В жизни большинства европейских церквей можно найти то или иное сочетание такого рода институтов, поддерживающих их общественно-политическую роль. Следует отметить, что, безусловно, схема религиозных институтов не уникальна для Европы — в США прямая включенность церквей в политические процессы является нормой, но в американской практике церкви вырастают из гражданского общества (на первых этапах истории США они были практически слиты с ним), и отделить общество от религиозного пространства до сих пор довольно трудно в некоторых провинциальных городках и в ряде штатов.

Европейское своеобразие заключается в том, что церкви «врастают» в гражданское общество и его институты в условиях, когда либеральный демократический порядок отказался от религии, заменив ее на «общечеловеческие ценности». В связи с этим взаимодействие между собой формальной сферы

религиозности (выраженной в А и В) и неформальной сферы религиозности (соответственно, С и D) в европейском контексте играет ключевую роль для понимания роли церквей в обществе и в политических процессах.

В данном контексте насущным становится вопрос о том, что считать влиянием религии в политических дискуссиях, в развитии демократических институтов — государственной власти и социально полезных организаций. Объективность исследования может быть достигнута, только если удастся избежать как сакрализации роли церкви и следования ее предписаниям, так и констатации «упадка веры», исходя из этого. В рамках политологического подхода сам по себе вывод об упадке или подъеме веры или церкви не имеет смысла, так как более важными являются параметры участия церквей в политическом процессе и степень влияния в конкретной политической ситуации (дискуссии, кризисы, политические трансформации власти).

Религиозный фактор — это, прежде всего, различные варианты отражения позиции религиозных институтов по актуальным общественно-политическим проблемам в публичном пространстве (дебаты, публикации, заявления, обращения, официальные документы). Эта позиция может быть представлена в виде заявлений: 1) церковных иерархов, действующих руководителей; 2) священнослужителей и мирян, также представителей церквей, но не облеченных формальной административно-политической властью в церкви; 3) гражданских активистов с определенной конфессиональной принадлежностью, но не имеющих прямого отношения к церковным структурам (но защищающих их интересы или критикующих их); 4) гражданских активистов, партий и движений, которые используют религиозную мотивацию для достижения своих политических или гуманитарных целей (если это, к примеру, социальное служение). Это может быть привлечение религии как идеологического фактора (как это делают националисты) и обращение к корневым христианским ценностям для мотивации социального служения и развития политкорректности по отношению к нуждающимся и разного рода меньшинствам (религиозным, сексуальным). В обоих случаях религиозная мотивация может сыграть дифференцирующую роль, быть триггером как конфликта, так и умиротворения.

Научное издание

Роман Николаевич Лункин

ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКА В ЦЕРКВЯХ
Как современное христианство меняет европейское общество

Монография

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.09.2020. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 31,5. Заказ № 2096
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3
Тел. (495) 692-10-51
e-mail: europe@ieras.ru
<http://www.instituteofeurope.ru>

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86